

Белова Екатерина Евгеньевна, Минасян Вика Аркадьевна

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. ФАУЛЗА "ЖЕНЩИНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА")

Настоящее исследование рассматривает любой художественный текст как результат культурного диалога, характеризующийся интертекстуальностью, поскольку содержит в себе имплицитные или эксплицитные связи с прецедентным художественным текстом. Статья посвящена анализу того, каким образом в романе "Женщина французского лейтенанта" Дж. Фаулз в диалоге с викторианской эпохой через прецедентные тексты акцентирует темы свободы, отношения к традиции, женской эмансипации, социальных условностей и канонов общественного бытия. Упомянув личности и воспроизводя писательскую манеру викторианцев (Дж. Мередит, Дж. Остин, Дж. Элиот, Ч. Диккенс, Т. Гарди и др.), Дж. Фаулз проводит параллели, переосмысливает устои викторианства и открывает читателю новое видение несуществующей эпохи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 1. С. 17-20. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 801.732

Настоящее исследование рассматривает любой художественный текст как результат культурного диалога, характеризующийся интертекстуальностью, поскольку содержит в себе имплицитные или эксплицитные связи с прецедентным художественным текстом. Статья посвящена анализу того, каким образом в романе «Женщина французского лейтенанта» Дж. Фаулз в диалоге с викторианской эпохой через прецедентные тексты акцентирует темы свободы, отношения к традиции, женской эмансипации, социальных условностей и канонов общественного бытия. Упомянув личности и воспроизводя писательскую манеру викторианцев (Дж. Мередит, Дж. Остин, Дж. Элиот, Ч. Диккенс, Т. Гарди и др.), Дж. Фаулз проводит параллели, переосмысливает устои викторианства и открывает читателю новое видение несуществующей эпохи.

Ключевые слова и фразы: викторианство; интертекстуальность; «Женщина французского лейтенанта»; Джон Фаулз; многослойный роман.

Белова Екатерина Евгеньевна, к. филол. н., доцент

Минасян Вика Аркадьевна

Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина

belova_katerina@inbox.ru; vikaminasyan.07@yandex.ru

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. ФАУЛЗА «ЖЕНЩИНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА»)

Любой художественный текст, являясь результатом культурного диалога, характеризуется интертекстуальностью, т.к. содержит в себе имплицитные или эксплицитные связи с прецедентным художественным текстом. Невозможно создание художественного текста (далее – ХТ) без интерпретации, декодирования прецедентных ХТ, т.к. освоение автором прецедентного ХТ являет собой художественное восприятие мира, без которого невозможно создать новый ХТ [2].

XX век примечателен традицией обращения к классическим образцам, т.к. писатели начали отказываться от недавнего прошлого и обращаться к классической литературе. Английский критик П. Х. Ньюби пришел к выводу, что современные писатели будто устали от ухищрений и попыток создать что-то новое и начали искать образцы уже не в творчестве своих современников, а творчестве, например, Р. Л. Стивенсона и Ч. Диккенса.

Обращаясь к прошлому, писатели пытаются обогатить устои современности [2; 3; 5], стремятся продолжить традицию викторианства на современном уровне. Именно поэтому данный феномен следует расценивать как возвращение английского романа к викторианским образцам, к реалистическим традициям. Таким образом, в викторианском романе содержится та крепость моральных устоев, которая сегодня утрачена.

Среди таких писателей, которые выступают против обычного традиционализма, ищут новые пути выражения традиций, следует назвать именно Джона Фаулза, занимающего особое место в истории английской литературы.

Дж. Фаулз пишет о том, что в XX веке произошел сдвиг от содержания к форме. Подобная ситуация для автора неприемлема, т.к. роман для него – это способ передачи мысли, опыта, а чтение его романов – неповторимый вид сотворчества. Писатель также говорит о том, что викторианское отношение к содержанию и форме ему намного ближе потому, что он не является сторонником одержимости формой, внешним видом вещей. Внутренне содержание, серьезность отношения к предмету повествования намного важнее и значительнее в творчестве писателя.

Дж. Фаулз открыто заявляет о своём восхищении культурой викторианской Англии. Однако называть писателя сторонником викторианства представляется неправильным. Такие исследователи, как А. П. Саруханян, А. В. Долинин, Е. С. Аминова, Н. Ю. Жлуктенко и др., отмечали его неоднозначное отношение к данному феномену. Единственное произведение в творчестве писателя, неразрывно связанное с эпохой викторианства, – это роман «Женщина (Любовница) французского лейтенанта» (*The French Lieutenant's Woman*).

Почему именно викторианский роман являет собой материал исследования по выявлению картины мира Дж. Фаулза? Отношение к викторианству представляет собой не только взгляды на конкретную историческую эпоху, но и отношение к традиции, особым этическим представлениям, канонам общественного бытия.

Дж. Фаулз ведет диалог с викторианской эпохой через прецедентные тексты, акцентируя темы свободы, женской эмансипации и социальных условностей. Благодаря использованию стилизации под викторианский роман и обрамляющих каждую главу эпиграфов [4] Дж. Фаулз имитирует викторианскую склонность вплетать исторические и социологические обобщения в ткань художественного произведения, тем самым раздвигая границы личных интересов и предпочтений. Текст впитывает все аспекты культуры общества, включая такие детали, как особенности одежды и быта, строгость манер и поведения и даже новаторские для того времени идеи дарвинизма. С одной стороны, для Фаулза как «викторианца» характерен поиск корней, духовной опоры в традиции, с другой – в каждом моменте внедрения интертекста в текст автор акцентирует элемент свободы.

Отношение писателя к викторианской эпохе можно охарактеризовать как противоречивое. Интертекстуальное взаимодействие художественного текста с текстом-источником может происходить по-разному.

В отдельных случаях викторианский источник может цитироваться автором, показывая глубокое уважение к идее, переданной викторианским писателем:

It is a part of special prudence never to do anything because one has an inclination to do it; but because it is one's duty, or is reasonable [8, p. 133]. / Особое благоразумие состоит также и в том, чтобы совершать поступки не из одного лишь желания их совершить, а, напротив, по велению долга и здравого смысла [7].

Дж. Фаулз показывает неразрывную связь своего произведения «Женщина французского лейтенанта» с произведениями викторианских писателей различными путями.

Е. С. Аминова отмечает сходство героев *“The French Lieutenant's Woman”* и героев произведений У. Теккерея, Дж. Мередита, Дж. Элиот, Т. Гарди, Д. Остин, Ч. Диккенса, Ш. Бронте [1, с. 19]. Невозможно не заметить это сходство, т.к. сам автор намекает на влияние творчества этих писателей на его произведение:

I had better here, as a reminder that mid-Victorian (unlike modern) agnosticism and atheism were related strictly to theological dogma, quote George Eliot's famous epigram: “God is inconceivable, immortality is unbelievable, but duty is peremptory and absolute.” And all the more peremptory, one might add, in the presence of such a terrible dual lapse of faith [8, p. 260]. / В доказательство того, что агностицизм и атеизм середины викторианского века (в отличие от современных) были тесно связаны с теологической догмой, я бы, пожалуй, привел знаменитое изречение Джордж Элиот: «Бог непостижим, бессмертие неправдоподобно, долг же непререкаем и абсолютен». Добавим: становится тем более непререкаемым ввиду столь ужасающего двойного отклонения от веры [7].

Dickens's working-class characters are all very funny (or very pathetic) and an incomparable range of grotesques, but for the cold reality we need to go elsewhere [8, p. 150]. / Диккенсовские персонажи из низов, как правило, фигуры комические (или трогательно-жалкие), но созданная им неподражаемая галерея гротесков ничего общего не имеет с реальной действительностью, информацию о которой следует искать совсем в других источниках [7].

Without realizing it she judged people as much by the standards of Walter Scott and Jane Austen as by any empirically arrived at [8, p. 34]. / Сама того не сознавая, она судила людей скорее по меркам Вальтера Скотта и Джейн Остин, нежели по меркам, добытым эмпирическим путем [7].

Имя известной писательницы Дж. Остин встречается в произведении не один раз. Ссылаясь на произведения, написанные викторианским литератором, Дж. Фаулз подталкивает читателя почувствовать невидимую связь между их героями:

These are the very steps that Jane Austen made Louisa Musgrove fall down in Persuasion [8, p. 9]. / Это те самые ступени, с которых упала Луиза Масгроув в «Убеждении» Джейн Остин [7].

Итак, местом действия своего романа Дж. Фаулз выбирает именно тот мол, с которого упала одна из героинь произведения *“Persuasion”* Луиза Масгроув. Упомянутая героиня всегда отличалась живостью, была способна на безрассудство, поражала своей непреклонностью и женственностью. Именно этих качеств, по мнению капитана Уэнтурта, не хватало его возлюбленной, главной героине Энн Элиот.

Невозможно не отметить параллель между Сарой Вудраф и Луизой. Сару можно назвать возрождением Луизы, т.к. Сара также привлекла своего возлюбленного Чарльза тем, что она не была похожей ни на кого, а Чарльз, в свою очередь, искал ее черты в Эрнестине, в его законной невесте. Эрнестина похожа на Лидию Беннет (*Pride and Prejudice*), которая также легкомысленна, по-своему тщеславна и пуста.

Одним из знаковых имен, символизирующих викторианскую эпоху, является Чарльз Диккенс. Дж. Фаулз уважает традиции Диккенса и вслед за ним строит сюжеты, в которых представлен выстрадавший героями путь духовного и нравственного возрождения. Ключевыми идеями их романов являются поиски героями истины, прозрения и источника знаний.

Опираясь на традиции Ч. Диккенса, Дж. Фаулз воссоздает образ Лондона XIX века как сосредоточения зла и разврата. Именно в Лондоне Чарльз пытается забыть Сару, поддается разгулу, пьянству и обществу женщины лёгкого поведения. Герои Диккенса и Фаулза имеют ряд схожих черт, что доказывает интертекстуальную связь между романами. Одна из главных тем в произведении Ч. Диккенса «Большие надежды» (*Great Expectations*) – противостояние человека как личности обществу как системе. Функции общества во взаимосвязи с человеком берут верх и лишают человека права выбора. Фаулз, как и Диккенс, выступает против общества, доминирующего над личностью.

Викторианский и современный писатели показывают, как их главные герои, в данном случае Чарльз и Пип, мечутся между двумя огнями, между двумя сторонами своего «я». Их истории – это истории резких перемен, сдвигов в духовной и нравственной сфере, после которых они перерождаются, возвращаются к тем ценностям, которые в себе «заглушали».

Ироническое отношение к героям и читателям сближает Дж. Фаулза и Т. Л. Пиккока. Сходство романов двух писателей можно заметить даже на композиционном уровне. Т. Л. Пиккок всегда обогащал свои произведения аллюзиями, цитатами, а также реминисценциями. «Усадьба Грилла» (*Gryll Grange*) является ярким примером такого романа, который повлиял на композиционную структуру *“The French Lieutenant's Woman”*. Современный писатель, как и писатель викторианства, использовал эпиграфы в начале каждой главы. Таким образом, обоих писателей с уверенностью можно назвать экспериментаторами, писателями-новаторами, которые отражают свои мысли в художественном тексте новыми способами и приемами, другими словами, описывают старое новым, пишут о викторианстве постмодернистским путем. Это и способствовало тому,

что Т. Пикок и Дж. Фаулз чувствовали себя «чужими» в своей литературной среде, т.к. их творчество про- никлось противоречивостью, неординарностью, что рождало огромное количество неоднозначных оценок.

Особенно важна ориентация Джона Фаулза на творчество Т. Гарди. В сборнике эссе «Кротовые норы» Фаулз пишет, что «тень Томаса Харди – а самое сердце его “страны”, его сельской Англии я могу видеть из окна своего рабочего кабинета – всегда стоит у меня за плечами. Поскольку он и Томас Лав Пикок – два моих любимых писателя (если говорить о романистах-мужчинах), мне эта тень не мешает. Гораздо ра- зумнее мне представляется её использовать...» [6, с. 325].

Томас Гарди был первым, кто начал размышлять над викторианской традицией. Дж. Фаулз видел в нем вы- зов викторианской эпохе, потому что викторианский писатель первым разрушил закостеневшие моральные устои, описывая интимные отношения между мужчиной и женщиной. Е. С. Аминова пишет, что для своего романа Т. Гарди избирает усложнённую композицию, которая включает поток авторских размышлений: фило- софских, лирических, историко-социальных. За счёт этого биографические рамки сюжета раздвигаются, роман становится многослойным и обретает эпическую значительность [1, с. 32]. Роман Дж. Фаулза, в свою очередь, также вбирает в себя авторские отступления и представляет собой своеобразную хронику Англии.

Сходство взглядов двух писателей разных эпох можно наблюдать в сходстве героев их произведений. Сара Вудраф, главная героиня романа “*The French Lieutenant’s Woman*”, заставляет вспомнить Юстасию Вей из романа Т. Гарди «Возвращение на родину» (*The Return of the Native*). Сомнительный шаг обеих героинь навстречу любви с французским лейтенантом, которого они выхаживают, вызывает негодование в обществе.

Героиня Фаулза также напоминает Тэсс д’Эрбервилль из романа «Тэсс из рода д’Эрбервиллей» (*Tess of the d’Urbervilles*). Сара и Тесс являются воплощением таинственности, женственности, мягкости и покор- ности. Их возлюбленные не в силах понять их до конца, прочувствовать их натуру, а викторианские устои и заповеди преследуют героинь и способствуют их тяжелому «падению» в обществе. Однако героиня Фаул- за оговаривает себя намеренно, тем самым открыто выступая против викторианской морали, ценящей долг, а не свободу чувства.

О Т. Гарди также говорят как о мастере живых зарисовок. В произведении “*The French Lieutenant’s Woman*” Фаулз красочно описывает пейзажи, что помогает раскрыть внутреннее состояние героя:

Charles sat up... stared at the sunlight that poured into the room. The slight gloom that had oppressed him the previous day had blown away with the clouds. He felt the warm spring air caress its way through his half-opened nightshirt onto his bare throat [8, p. 26]. / *Чарльз сел на постели, залюбовался льющимся в комнату солнечным светом. Легкое уныние, угнетавшее его накануне, рассеялось вместе с облаками. Он чувствовал, как теп- лый весенний воздух ласкает ему грудь сквозь полураскрытый ворот ночной рубашки* [7].

Единение природы и главного героя помогает читателю почувствовать окутывающее духовное спокой- ствие и открытость ко всему новому. Легкое уныние рассеялось так же, как облака, солнечные лучи запол- нили комнату так же, как грядущие изменения в жизни, а тёплый весенний воздух заполняет его душу высо- кими ожиданиями. Тем самым с уверенностью можно говорить, что природа и судьбы героев неразрывно связаны между собой. Также описание пейзажей служит тем, что помогает раскрыть не только внутреннее состояние героев, но и самого писателя.

Дж. Фаулз пишет современный роман, роман для современного читателя, но о прошлом. Прозаик никогда не ставил перед собой цель воссоздать викторианский роман – роман, который забыли написать. Он написал то, что не смогли бы написать, т.к. его герои живут в совершенно другой реальности. Так, воспроизводя пи- сательские манеры викторианцев, Фаулз не подражает им, а проводит параллели или, наоборот, противопо- ставляет. Противопоставляя и иронически обыгрывая, он переосмысливает устои викторианства и открывает читателю «новое видение старого».

Список источников

1. Аминова Е. С. Джон Фаулз и викторианская историческая и жанровая традиция // Историческая поэтика жанра. 2006. № 1. С. 21-36.
2. Гецкина И. Б. Аргументированный дискурс как картина мира // Сопоставительное изучение разнотипных языков: научный и методический аспекты: материалы всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: ЧГУ им. И. Н. Ульянова, 2006. С. 26-27.
3. Зимина М. В. Ассоциативный эксперимент как один из методов исследования концепта // Язык и языковое образо- вание в современном мире: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (13 апреля 2016 г.) / под ред. Е. Е. Беловой. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2016. С. 48-49.
4. Минасян В. А., Белова Е. Е. К вопросу об эпиграфе-интертексте // Сборник материалов Всероссийского (с между- народным участием) студенческого научно-практического семинара по проблемам лингвистики и лингводидактики. Глазов: Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко, 2016. С. 47-50.
5. Плещанюк Т. Н. Дискурс и образовательное знание // Традиции и современная ситуация в области образования: сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции (27 июля 2017 г.). Н. Новгород: Открытое знание, 2017. С. 36-39.
6. Фаулз Д. Кротовые норы: роман / пер. с англ. И. Бессмертной, И. Тогоевой. М.: Махаон, 2002. 556 с.
7. Фаулз Д. Любовница французского лейтенанта [Электронный ресурс]: роман / пер. с англ. М. Беккер, И. Комаровой. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. URL: <http://lib.ru/FAULS/woman.txt> (дата обращения: 03.12.2017).
8. Fowles J. *The French Lieutenant’s Woman*. L.: Vintage, 1996. 273 p.

**DIALOGUENESS OF A WORK OF FICTION
(BASED ON THE NOVEL “THE FRENCH LIEUTENANT’S WOMAN” BY JOHN FOWLES)**

Belova Ekaterina Evgen'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Minasyan Vika Arkadevna

*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
belova_katerina@inbox.ru; vikaminasyan.07@yandex.ru*

The study considers any literary text as a result of a cultural dialogue, characterized by intertextuality, because it contains implicit or explicit links with the precedent literary text. The article is devoted to the analysis of how J. Fowles in his novel “The French Lieutenant’s Woman” in the dialogue with the Victorian epoch through precedent texts emphasizes the themes of freedom, attitudes toward tradition, women’s emancipation, social conventions and canons of social life. Recalling personalities and reproducing the writers’ manner of the Victorians (G. Meredith, J. Austin, G. Eliot, Ch. Dickens, Th. Hardy, etc.), J. Fowles draws parallels, reinterprets the foundations of Victorianism and opens the reader a new vision of the non-existent era.

Key words and phrases: Victorianism; intertextuality; “The French Lieutenant’s Woman”; John Fowles; multi-layered novel.

УДК 821.161.1

Статья посвящена проблеме употребления Л. Н. Толстым форм языковой идентификации и типологизации персонажей в раннем периоде его творчества. Авторы статьи, рассматривая причины активного использования речевых характеристик героев, приходят к выводу о наличии двух факторов формирования этой черты нарратива Толстого – во-первых, его принципиальной культурной позиции в понимании литературной традиции; во-вторых, подсознательного стремления к версификации когнитивного рисунка повествования. Анализ ранних произведений Л. Н. Толстого свидетельствует о преимущественном использовании писателем определенного типа речевых характеристик, условно названных «лексическими», или «глоссарийными».

Ключевые слова и фразы: ранняя проза Л. Н. Толстого; речевая характеристика; нарратив; синтаксический; лексический; литературная норма.

Борова Асият Руслановна, д. филол. н., доцент

Али Исмаил Амир Адам

*Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик
assbora@mail.ru; _bora@mail.ru*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАННЕЙ ПРОЗЫ Л. Н. ТОЛСТОГО

Языковая стилизация и речевая характеристика персонажа – не обязательное достояние произведений, принадлежащих великим мастерам литературы. Если конфликт культурных норм и стандартов может считаться обязательным элементом юмористического, смехового осмысления той или иной ситуации и подачи её в художественном тексте [2, с. 87-89], то в «серьёзных» произведениях, не ориентированных на ироническое осмысление действительности, единообразие языковых характеристик персонажей вовсе не мешает полноценному раскрытию авторского замысла.

Как отмечал М. М. Бахтин, оценивая с этой точки зрения тексты русских писателей середины – второй половины XIX века, «в многоголосом романе Достоевского значительно меньше языковой дифференциации, то есть различных языковых стилей, территориальных и социальных диалектов, профессиональных жаргонов и т.п., чем у многих писателей-монологистов: у Л. Толстого, Писемского, Лескова и других. Может даже показаться, что герои романов Достоевского говорят одним и тем же языком, именно языком их автора. В этом однообразии языка многие упрекали Достоевского, в том числе упрекал и Л. Толстой» [1, с. 203-204]. Бахтин имеет в виду неоднократные замечания Толстого по поводу языка персонажей Достоевского – напомним, что менее чем за месяц до своей смерти Толстой дал, по всей видимости, последнюю оценку этой черты писательской манеры автора «Бесов». Читая первый том «Братьев Карамазовых», он записал в своем дневнике: «...читал Достоевского. Хороши описания, хотя какие-то шуточки, многословные и мало смешные, мешают. Разговоры же невозможны, совершенно неестественны» [5, т. 22, с. 407].

Пренебрежение языковой своеобразностью героя вызывало у Толстого нескрываемое раздражение, выливавшееся в фактическое отрицание даже признанных классиков мировой литературы. Так, его претензии к творчеству Шекспира в целом одним из оснований имели именно характер монологов и диалогов героев великого драматурга [Там же, т. 15, с. 282].

Для Толстого выраженность речевого своеобразия того или иного персонажа имела принципиальное значение. Напомним, что, начиная свой путь в литературе, великий русский писатель серьёзно сомневался в своих возможностях прозаика [Там же, т. 21, с. 70]. За четыре дня до окончания работы над первым вариантом «Детства» – в дневниковой записи 27 мая 1852 года – Толстой пишет: «“Детство” кажется мне не совсем скверным. Ежели бы достало терпения переписать его в четвёртый раз, вышло бы даже хорошо» [Там же]. Чуть позже он выразится более определенно и жёстко: «Хотя в “Детстве” будут орфографические ошибки –